

абвгдежзикЛМнопрстуфхичшщъыьэюя

1234567890

ДИАЛОГИ

Кормухина начинала свою карьеру как эстрадная певица, но это не было основным делом ее жизни. На фестивале эстрадной песни "Юрмала-86" стараниями заинтересованных лиц она была дружно провалена и не знала чем заняться аж до конца 1988 года, пока Мелик-Пашаев не предложил ей новый проект хард-роковой направленности. Это был один шанс из тысячи, и она его не упустила. Но вскоре, из-за старого пристрастия

Ольга

Кормухина: «Я победила страх смерти...»

певицы к сольным выступлениям, проект распался. Кормухина уходит в театр Пугачевой. Но и там она не прижилась. Между тем, новые песни Ольги постепенно, но верно, стали утрачивать былую мощь и приобретать налет попсовости. Что случилось? Ведь на карту было поставлено очень многое.

— Оля, и все-таки, почему вас разочаровал «тяжелый рок»?

— Понимаете, хард-рок, хэви-метал будят в людях не совсем те эмоции, которые, на мой взгляд, нужно будить. Зрители на таких концертах получают отдушину для выплеска черной, чисто животной энергии. И я в этом убедилась воочию, потому что в тот «тяжелый» период собирала целые стадионы. К чести своей, я вовремя остановилась и поняла, что хард-рок — не для меня, это не совсем мое, что я работаю против того, к чему стремилась. Но не подумайте, что легко было перестроиться, отказаться от славы, от переполненных залов, от своего же ре-

пертуара. И я благодарю Бога, что дал мне силы, терпения пережить этот период. Но и просто сказать, что я «окопсела», тоже нельзя. В моем новом репертуаре переплетаются разные стили — и тот же романтический хард-рок тоже.

— На какой стадии находятся плоды ваших исканий?

— Сейчас я пишу новую форму инструментального звучания, и не только которое подходило бы именно мне и которое было бы своеобразно само по себе. Думаю удвоить группу и довести ее до 9-10 человек. Чтобы музыка была мощной. А поскольку

цу концерта люди становятся совершенно другими. Но мои выступления — не массовый психоз и не афиширование сверхъестественностей. Мою энергию люди принимают через песни и тем самым очищаются.

— Почему для записи своего диска вы не воспользовались услугами государственной фирмы?

— У меня уже есть «копыт» такого сотрудничества. Знаете, сколько я получила за свой первый «миньон»? — 40 рублей, по крайней мере, на «Синтез-рекордс» (советско-британская фирма звукозаписи — И.К.) «беспредела» в отношении к артистам не

гласу. И голос у меня не слабенький (смеется: действительно, неслабо — И.К.), то я думаю, все это реально...

— Опять возврат к тому, что называется «потяжелее»?

— Не тяжелее, а грандиозней. Когда вы присутствуете на церковной службе в Елоховской церкви, где поют люди с Большого театра, то первым делом ощущаете ни с чем не сравнимый грандиоз. Чувствуете какой-то сверхъестественный подъем. И тогда понимаешь, что Бог — это все, что тебя окружает; Дух — это верх блаженства, а материя — так, ничто, прах.

— Простите, такое чувство, что у вас есть нечто общее с Кашпировским...

— Я не Кашпировский, поскольку все, что делают подобные ему люди, срывается в обратную сторону. Но я действительно обладаю неким гипнотическим даром. Этой силой я старалась пользоваться на концертах. И по лицам людей я вижу, что определенным образом на них воздействую: к кон-

существует. И вообще, с фирмой связана наша старая рок-н-рольная тусовка, и прежде всего Саша Кутиков. Здесь работают настоящие профессионалы.

— А под чьей крышей вы работаете?

— Моя трудовая книжка лежит в фирме «АРС». Но «АРС» не вмешивается в мои дела, и это мне очень нравится. Если другие организации исправно «стригут» своих артистов, то «АРС» даже не требует «дани». И меня это, конечно, устраивает. А вообще работать под чьей-то крышей — занятие неблагодарное. В свое время я работала в театре Пугачевой, да и у меня на протяжении года был свой «театр». Все это — бесполезная трата времени с сомнительной перекачкой денег.

— Похоже, что наша «попса» на оригинальность не претендует...

— Вот именно. На мой взгляд, даже нынешние «знаменитости» типа Газманова, Державина, «Любэ» потеряны для музыки

больше, нежели совсем неизвестные исполнители. И они поймут это тогда, когда придется отвечать за то, что компастировали людям мозги и пели не о том, о чем нужно петь. Простите, но в людях еще столько дерьма, что незачем выносить его плюс ко всему и со сцены. Помните, у Шекспира: «Кто следует велениям толпы — тот не король». А артист — это как раз король, правда, на час, на два.

— С чем вы связываете тот факт, что иногда Ольгу Кормухину путают с Машей Распутиной?

— По крайней мере, теперь меня это не раздражает. Хотя до этого меня сравнивали с Тиной Тернер. Но, судя по всему, мы с Машей не во всем схожи, — ее с Тернер не сравнивают (смеется — И.К.). А если серьезно, то все это, наверное, от недостаточности рекламы, от недостаточной вдумчивости людей, и я думаю, скоро это пройдет.

— Оля, какие качества в человеке вы не приемлете? И чего боитесь?

— Прежде всего — ложь. Как только появляется ложь, за ней шлейфом тянутся все остальные грехи. Не приемлю гордыню — когда люди, вознесенные волею случая над толпой, считают себя вправе вершить судьбы остальных. Это, кстати, относится и к политикам, и к артистам. А бояться ничего не хочу, потому что я не боюсь самого главного — смерти. И мне кажется, человек, который победил страх смерти, ничего не может бояться.

— Вы так много поете о любви. А в своей жизни вы встретили настоящую любовь?

— О, да! (довольно улыбается — И.К.)

— Ну, тогда все о'кей. Удачи вам и во всем остальном!

Гарик КАРМЕН